

ББК 63.3(7Coe)-6

Н.И. Массон

**Гегемония, многополярность и неполярность
в современных международных отношениях**

Ключевые слова: международные отношения, США, гегемония, многополярность, неполярность, постби-полярный мир.

Key words: international relations, USA, hegemony, multipolarity, nonpolarity, post-bipolar world.

Окончание биполярного противостояния в ходе холодной войны привело к разрушению напряженной, но стабильной и длительное время существовавшей системы международных отношений. Современная международная политическая ситуация демонстрирует доминирование Соединенных Штатов Америки и позволяет сделать вывод о формировании государства-гегемона, однако вопросы о распределении политического влияния в современных международных отношениях и перспективах изменения соотношения сил в будущем являются дискуссионными. При этом современная система международных отношений остается нестабильной, справедливость лидерства США оспаривается значительным числом участников международных отношений. Таким образом, становится актуальным анализ расстановки сил в международных отношениях и перспектив лидерства США.

Согласно определению Иммануила Валлерстайна, основным признаком государства-гегемона является настолько значительное влияние, что союзники гегемона оказываются в положении клиентальных государств, а противники гегемона занимают оборонительную позицию [1, с. 97]. Это определение применимо к современному положению США в международных отношениях. Мир, в котором существует гегемония (однополярный мир), является достаточно стабильным, поскольку доминирование одного государства прекращает борьбу остальных государств. И. Валлерстайн подчеркивает, что речь идет исключительно о вооруженной борьбе, в то время как другие формы противостояния могут сохраняться [1, с. 327]. Гегемония является следствием естественных политических механизмов, однако те же законы, которые приводят к формированию гегемонии, не позволяют положению гегемона закрепиться навсегда. Гегемония является одной из стадий приблизительно столетнего цикла развития международной системы, которая длится около 25–50 лет [1, с. 347–350].

Однако влияние гегемона на международные отношения нельзя назвать однозначно стабилизирующим. В условиях однополярного мира положение единственной сверхдержавы предполагает значительный уровень ответственности. Стивен Амброз и Дуглас Бринкли

разделяют такие понятия как *имперская роль (imperial role)* и *имперское правление (imperial rule)* [2, с. 397]. В то время как классическое имперское правление предполагает определенные обязанности, имперская роль сводится преимущественно ко внешней атрибутике сверхдержавы. Современное поведение США в международных отношениях значительно ближе ко второму варианту, что подтверждается практикой вмешательства в международные конфликты без учета последствий в сочетании с нежеланием нести неизбежные для империи-гегемона последствия [2, с. 397].

Одной из причин несоответствия США классическому образу державы гегемона является своеобразная политическая «инерция»: современная внешняя политика США в значительной степени продолжает внешнюю политику периода холодной войны. Это приводит к своеобразному внешнеполитическому «откату» (*blowback*) и, как следствие, неудачным попыткам укрепить систему национальной безопасности. В ситуации отката слабеющий гегемон вместо того, чтобы приспособливаться к своим уменьшающимся возможностям, стремится укрепить «эксплуатирующую гегемонию» [3, с. 143–144]. От стратегического выбора, сделанного гегемоном, зависит стабильность международных отношений, поэтому переживаемый США «откат» негативно сказывается на устойчивости международной системы. Е. Харрисон также подчеркивает, что причиной отката стало продолжение США оборонительной стратегии 1990-х гг., что согласуется с утверждениями С. Амброза и Д. Бринкли.

Для обеспечения устойчивого положения гегемона необходима легитимация – признание справедливости существующего мирового порядка большинством основных политических акторов [1, с. 347]. В современных международных отношениях доминирование США регулярно оспаривается, а право США на место гегемона подвергается сомнению. Для значительного числа участников международных отношений и населения этих стран США ассоциируются с пропагандой западного образа жизни, демократии и светского универсализма. Это провоцирует консервативную реакцию среди как исламистов, так и европейских крайне правых партий, которая выражается в отторжении ценностей светского демократического общества, построенного на принципах равенства и идеализации идей «аутентичных» и «органических» социальных институтов и моделей поведения, не подверженных разрушительному влиянию чужеродных идей [4,

с. 67–68]. Не признавая легитимности положения гегемона, представители этих сообществ отвергают и сами социально-политические ценности, на которых основывается его государственное устройство. Это выводит конфликт за рамки простого несогласия с правом гегемона на лидерство и придает ему новое качество цивилизационно-культурного конфликта. Реакция на гегемонию является одной из причин противостояния западной и не-западной цивилизаций, о котором говорят сторонники полицивилизационного подхода. При этом противостояние гегемону объединяет разнородных противников, которые зачастую не имеют ничего общего [5, с. 40].

Согласно неореалистическому подходу причиной реакции является высокая концентрация власти в руках гегемона, которая заставляет более слабые страны сопротивляться власти гегемона и создает структурные конфликты интересов между ними и гегемоном [3, с. 115]. Таким образом, включается своеобразный естественный «механизм сдерживания» гегемона и постепенно восстанавливается нарушенный баланс сил. Однако в условиях современных международных отношений разрыв между гегемоном и его основными противниками настолько велик, что противостояние США не принимает форму открытого вооруженного столкновения. Несмотря на сомнения в законности и разумности внешнеполитических действий США, противостояние преимущественно выражается в форме обвинений и нежелании сотрудничать [6].

Отсутствие легитимации также приводит к невозможности для гегемона установить реальный контроль. В период холодной войны обе противоборствующие сверхдержавы могли обеспечить подчинение подавляющей части более слабых государств. Однако сегодня, даже обладая превосходящим разрушительным потенциалом, США не могут обеспечить беспрекословный контроль над другими участниками международных отношений [2, с. 385]. Еще одной причиной утраты гегемоном доминирующего положения является изменение соотношения финансовых вложений и поражающей способности в современном мире. За счет стратегического планирования и использования средств массовой информации террористические движения могут наносить более значительные удары при минимальных финансовых вложениях, а дорогие виды вооружения становятся бесполезными в условиях, когда традиционное поле боя уступает место боям в черте города [6].

В таком случае представляется возможным сделать вывод о кризисе американской гегемонии. В конце периода доминирования гегемон приходит в стадию упадка, которая характеризуется следующими признаками: возрастанием экономического влияния союзников гегемона; нестабильностью положения валюты гегемона; упадком его авторитета на мировых финансовых рынках; подъемом новых центров принятия решений; бюджетно-финансовыми кризисами

внутри гегемона; уменьшением политической поляризации и снижением ее стабилизирующей роли; нежеланием граждан государства-гегемона жертвовать жизнью [1, с. 351].

И. Валлерстайн также подчеркивает, что США уже не обладают тремя важнейшими элементами, обеспечивавшими их военную мощь ранее: деньгами, готовностью народа выносить человеческие потери и политическим контролем над Западной Европой и Японией [1, с. 383]. Такое угасание влияния США еще более опасно в сочетании с относительным ослаблением Российской Федерации и стран бывшего социалистического лагеря, поскольку в таком случае будет нарушено существующее распределение сил между центрами многополярного мира и возможно дальнейшее возрастание нестабильности международных отношений.

Период после падения гегемона, как правило, характеризуется повышением уровня конфликтности международной системы и возрастанием ее хаотичности, однако существуют различные прогнозы дальнейшего изменения соотношения сил, некоторые из них строятся на утверждении о неизбежном угасании доминирования США, а другие – на утверждении о его сохранении. Сторонники институционализма предполагают, что упадок американской гегемонии приведет к формированию истинно многополярной системы международных отношений, основанной на кооперации. Такая система, с их точки зрения, не только не будет хаотичной, но и позволит более эффективно действовать в условиях борьбы с террористическими сетями [3, с. 141–142], в то время как неореалисты, ориентированные на приоритет геополитики, говорят о возможности повторения холодной войны с другим составом участников.

Система современных международных отношений более хаотична, чем в случае классической гегемонии. Нестабильность усиливается тем, что в связи с распространением ядерного оружия государство-гегемон больше не обладает подавляющим преимуществом военной мощи. Это позволяет сделать предположение о многополярности современных международных отношений. Поскольку легитимация власти гегемона в современной ситуации отсутствует, а гегемон не обладает реальным контролем над международными отношениями, независимо от гегемона складывается обладающая высокой степенью самостоятельности система международных отношений. Эта система конкурирует с гегемоном и оспаривает его власть, что согласуется с концепцией Самюэля Хантингтона «запад против всех» («The West against the rest»).

Особенности этой «оппозиционной» системы международных отношений позволяют определить современный мир как многополярный или неполярный. Для многополярного мира характерно изменение системы связей как между центрами силы, так и внутри них. Эти связи усложняются, становятся более «вариативны и ситуативны», при этом исчезают гра-

ницы конфронтации, увеличивается число факторов, определяющих международные отношения, а роль военных, пространственно-географических и других традиционно важных аспектов снижается [7, с. 125].

Одновременное существование гегемона и противостоящей ему многополярной системы объясняет высокую степень конфликтности современных международных отношений, нестабильность складывающихся в ней союзов и враждебность по отношению к гегемону. Зачастую основой для образования международных общностей-полюсов становится этнокультурный признак, так как он является наиболее устойчивым. В ходе противостояния западу делается упор на традиционные институты, присущие противостоящей культуре. Кроме того, идейное противостояние западу на основе культурных ценностей не требует от противостоящего государства существенного вложения ресурсов и, таким образом, является наиболее доступным.

Альтернативу концепции многополярности представляет концепция неполярного мира. В то время как многополярная система международных отношений характеризуется наличием нескольких определенных центров силы, в неполярной системе существенной силой обладает значительное количество акторов. Кроме того, в неполярном мире значительное количество ведущих акторов не является государствами.

Ричард Хаасс говорит о шести основных силах (Китай, Европейский Союз, Индия, Япония, Россия и США) и многочисленных региональных (Бразилия, возможно Аргентина, Чили, Мексика и Венесуэла в Латинской Америке; Нигерия и ЮАР в Африке; Египет, Иран, Израиль, Саудовская Аравия на Ближнем Востоке; Пакистан в Южной Азии; Австралия, Индонезия, Южная Корея в Восточной Азии и Океании), а также о целом ряде межправительственных организаций, движений и медиа-концернов, претендующих на роль центра силы [6].

Можно выделить следующие причины увеличения числа центров силы и возможного установления неполярной системы международных отношений. Во-первых, это естественное историческое развитие и укрепление государств и негосударственных акторов, которое приводит к увеличению числа региональных

и глобальных центров силы. Во-вторых, торговая и финансовая политика США, которая приводит к перераспределению финансовых потоков (например, высокий импорт топлива способствует обогащению экспортеров нефти). В третьих, это активизация международных потоков (рабочей силы, товаров, финансов, информации и т.д.) в результате глобализации. Значительная часть этого оборота происходит без ведома правительств, ослабляя тем самым традиционно наиболее влиятельные силы. Увеличение объема международных потоков также способствует усилению таких негосударственных акторов, как террористические движения, экспортеры топлива, «государства-изгои» и крупнейшие международные компании [6]. В результате международные отношения еще более усложняются и становятся менее однородными. Р. Хаасс предполагает, что в неполярном мире дипломатия еще более усложнится не только из-за возрастания числа участников международных отношений, но и из-за отсутствия устойчивых предсказуемых структур и отношений, свойственных однополярному, биполярному или многополярному миру [6].

Таким образом, положение США как гегемона в современных международных отношениях становится все более неустойчивым, что связано с рядом внутренних факторов, таких как политическая инерция холодной войны, потеря некоторых качеств, необходимых для удержания положения гегемона, финансовой нестабильностью; и внешних – реакцией на США и представляемые США светские демократические ценности, отсутствием легитимации существующего мирового порядка и, как следствие, все большими сложностями США обеспечить при значительном разрушительном потенциале контроль над более слабыми государствами. Непризнание легитимности гегемона некоторыми участниками международных отношений в сочетании с важностью его стратегических выборов для нормального развития мировой системы способно привести к возрастанию нестабильности и конфликтности. Сочетание этих факторов уже сейчас создает ситуацию нестабильности, характерную для периода ослабления гегемона, и ставит вопрос о дальнейшем перераспределении сил в международных отношениях.

Библиографический список

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб., 2001.
2. Ambrose, S. Rise to Globalism: American Foreign Policy since 1938 / S. Ambrose, D. Brinkley. – Penguin Books Ltd., 1997.
3. Harisson, E. Post-Cold War International System, the Strategies, Institutions and Reflexivity / Evan Harisson. – N. Y., 2004. – XXII.
4. Saull, R. Reactionary Blowback. The Uneven Ends of the Cold War and the Origins of Contemporary Conflict in World Politics / R. Saull // 2006.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2003.
6. Haass, Richard N. The Age of Nonpolarity / Richard N. Haass // Foreign Affairs. – May/June 2008. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity>
7. Соловьев, Э.Г. Геополитический анализ международных проблем современности: pro et contra / Э.Г. Соловьев // Полис. – 2001. – №6.